

въ переднюю, гдѣ происходила встрѣча. Ласковый, а вмѣстѣ и серьезный тонъ его встрѣчи, какъ будто давалъ мнѣ чувствовать, что радость моя велика теперь, но истинныя радости вовсе не эти.

За девять лѣтъ онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ въ мѣру, а потому это не бросалось въ глаза. За то на лицѣ его были самыя несомнѣнныя слѣды пережитыхъ серьезныхъ душевныхъ страданій. Спокойный, но печальный взглядъ его былъ для меня совершенно новый. Я помню его прежнее лицо. Теперь же оно произвело на меня впечатлѣніе, очень похожее на то, какое я вынесъ, прочтя его «Исповѣдь».

Я прожилъ въ Ясной Полянѣ около двухъ мѣсяцевъ и въ это время познакомился съ ученіемъ Льва Николаевича; видѣлъ, какъ близкіе его относятся къ этому ученію и какъ живетъ теперь онъ самъ и его семейство.

Все это я постараюсь передать въ этой главѣ моихъ воспоминаній.

Ученіе Льва Николаевича породило весьма разнообразное отношеніе постороннихъ къ нему самому и къ ученію.

Я узналъ, что ему писали со всѣхъ концовъ міра, и поклонники и противники. Если поклонники писали, чтобъ подѣлиться мыслями и чувствами со своимъ учителемъ, я недоумѣвалъ, зачѣмъ писали къ нему противники. Не читавши ни одного изъ писемъ, я узналъ, что они писали только для того, чтобы высказать Льву Николаевичу свое озлобленіе на него. Онъ относился, какъ самъ говорилъ, съ сожалѣніемъ къ этимъ противникамъ